

На перепутье

Представленная ниже статья из «Коммуниста», опубликованная осенью 1953 года, может показаться не более чем всплеском пропагандистского официоза, малоинтересного для широкого читателя. Однако если вернуть ее в контекст той эпохи, когда она была написана, впечатление резко меняется: между строк проступает совсем иной, много более глубокий смысл.

Для начала напомним, что 1953 год вошел в историю нашей страны как год смерти Сталина. Последовавшие за этим месяцы были наполнены активной подковерной борьбой, видимыми результатами которой стали арест (25 июня) и казнь (23 декабря) Л. П. Берии, а также избрание Н. С. Хрущева Первым секретарем ЦК КПСС на сентябрьском пленуме ЦК КПСС. Однако всем участникам тех драматических событий было ясно, что, кто бы ни победил, возврат к сталинскому курсу невозможен.

В полной мере это касалось и области внешней политики, где к 1953 году Советский Союз оказался в настоящем тупике. События, последовавшие за Великой Победой 1945-го, развивались стремительно. Страна, разоренная и обескровленная войной, была ввергнута в новый конфликт и балансировала на грани нового мирового пожара. Надежды на американские кредиты и смягчение международной обстановки в Европе по сравнению с межвоенным временем оказались несостоятельными. Резко увеличившие свою мощь, США не желали терпеть конкурента за власть в Европе, и в 1947—1949 годах СССР был вынужден уйти в глухую оборону. Не имея экономической возможности дать адекватный ответ на американскую программу экономической помощи Европе (так называемый План Маршалла), Советский Союз до предела «закрутил гайки» в Восточной Европе, отрезав ее «железным занавесом» от остальной части континента и навязав ее народам контролируемые из Москвы коммунистические режимы под вывеской «народных демократий».

Однако даже «обложенный» со всех сторон, даже в условиях ядерного шантажа (который не перерос в военные действия лишь из-за отсутствия у США достаточного количества ядерных боеприпасов), СССР все еще был опасен для Америки. Не обладавший значительным военным флотом и стратегической авиацией, а потому не способный нанести прямой удар по Соединенным Штатам, он имел самую мощную в мире сухопутную армию, способную в считанные недели сбросить в Атлантический океан американские войска в Европе вместе с войсками союзников США по НАТО. Кроме того, как страна—победитель во Второй мировой войне, сыгравшая решающую роль в победе над странами—агрессорами в Европе, Советский Союз обладал огромным международным

авторитетом. И в Европе, и в самих Соединенных Штатах позитивное восприятие образа СССР и его политики было распространено достаточно широко, причем не только в среде левых политиков и интеллектуалов.

В 1949 году произошел ряд событий, усиливших внешнеполитические позиции Советского Союза. Главными из них стали успешные испытания советского ядерного оружия (август), а также победа коммунистов в гражданской войне в Китае, следствием которой стали провозглашение КНР (октябрь) и резкое изменение соотношения сил в мире в пользу СССР и его союзников. В июне 1950-го была сделана попытка развить успех: войска прокоммунистического режима Северной Кореи перешли в наступление и через несколько дней заняли столицу страны — Сеул. Однако прямое вмешательство США и их союзников позволило отбросить северокорейские войска и поставить их на грань поражения, от которого они были спасены лишь своими китайскими и советскими союзниками. К июню 1950-го линия фронта стабилизировалась; обе стороны отказались от искушения задействовать ядерное оружие; конфликт был заморожен, но не разрешен.

Военно-политическая ситуация приобрела патовый характер. В этих условиях основной зоной борьбы стали идеология и пропаганда. Американское руководство ставило своей целью подорвать международный авторитет СССР, уничтожить его позитивный образ, причем в первую очередь — в глазах собственных граждан. В этой борьбе были задействованы не только серьезные репрессивные механизмы (достаточно вспомнить об «охоте на ведьм» в 1950—1955 годах), но и (и именно это оказалось главным!) мощные интеллектуальные силы.

Имена некоторых видных интеллектуалов консервативного толка, ставших солдатами «холодной войны», названы и в публикуемой ниже статье. Речь идет об американском политологе и дипломате, выдающемся аналитике Роберте Страусе-Хупе (1903—2002), творчески развивавшем на американской почве геополитические идеи Карла Хаусхофера, английском (точнее — шотландском) историке и политологе Дэнисе Уильяме Брогане (1900—1974), американском философе, богослове и историке философии Гарольде Аткинсе Лэрреби (1894—1979), а также британском журналисте и публицисте, видном парламентарии Вудро Уайте (1918—1997).

Каждый из этих людей заслуживает отдельного разговора, выходящего за пределы краткого вступительного обзора. Отмечу лишь, что в конечном итоге именно идеологическое оружие и оказалось наиболее действенным. Мощный интеллектуальный ресурс плюс привычка к активной и свободной полемике (недопустимой в закрытом обществе советского типа) стали тем весомым довеском к экономической и военной мощи, которому СССР оказалось просто нечего противопоставить. И первые трещины в идеологической броне появились именно в 1953-м. Их еще можно было замалчивать (как это было сделано, в частности, применительно к событиям в ГДР мая—июня 1953 года, где непродуманная политика обернулась волнениями рабочих, подавленными с применением танков), но уже невозможно было предотвратить.

На поле идеологии и пропаганды Советский Союз проиграл много раньше, чем потерпел поражение в военно-политической сфере. И как показала дальнейшая история, именно этот проигрыш и стал решающим. Но это — уже предмет отдельного разговора. ◆